

Российская урбанизация и жилье горожан^[1]

Над темой номера работали

Алла
МАХРОВА^[2]

Павел
КИРИЛЛОВ^[3]

Урбанизация - это не только динамика численности городского населения

В течение постсоветского периода российские города прошли сложный путь адаптации к рынку и глобальной экономике при кардинальных изменениях институциональных и социально-экономических условий и одновременном переходе к новым циклам и стадиям развития. В результате комбинации черт как унаследованных от советского периода, так и приобретенных в процессе постсоветских трансформаций, формируется новая модель современной российской урбанизации, которая требует глубокого изучения разных форм и видов ее проявлений.

Традиционно основное внимание при анализе особенностей российской урбанизации уделяется рассмотрению динамики численности населения в городах разного размера и статуса, что было особенно характерно для работ советского времени из-за дефицита статистики по другим индикаторам^[4]. Современными учеными область исследований была существенно расширена за счет включения довольно широкого перечня социально-экономических показателей как по всем городам страны, так и в разрезе крупных городов^[5]. В данной работе наряду с анализом динамики численности и миграционной подвижности населения особое внимание уделено тому, как индикаторы жилищной сферы отражают специфику современной российской урбанизации, что, как правило, остается за рамками большинства проводимых исследований.

Российская урбанизация не укладывается в классические схемы

Одна из важных черт российской модели урбанизации, унаследованной от советского периода развития, – концентрация населения в больших городах, когда, набрав определенную критическую величину людности, города стремительно увеличивали свое население^[6]. Уже к середине прошлого столетия Россия в ее современных границах (и Советский Союз в целом) стала территорией больших городов: в этих центрах людностью свыше 100 тыс. человек проживало более половины городского населения страны. При этом города меньшей людности, хотя и продолжали доминировать количественно, сокращали свою долю в численности населения. В постсоветский период тенденция концентрации населения в больших центрах сохранилась, но была дополнена ростом малых городов, увеличение числа и численности которых связано, главным образом, с переходом в эту группу депопулирующих средних городов.

Среди больших городов, как и в советский период, темпами роста населения по-прежнему выделялись наиболее крупные центры. Причем, как показали исследования Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, рубеж в 250 тыс. человек стал еще более выраженным^[7]. При выделении городов с такой численностью населения в качестве главных, а центров людностью менее 50 тыс. человек – в качестве малых, анализ трех агрегированных групп (главные, средние или промежуточные, малые) позволяет более «выпукло» рассмотреть сдвиги в динамике их роста в течение постсоветского периода.

Если в качестве точек отсчета брать переписи населения (1989, 2002, 2010 годов), то анализ темпов роста населения по этим трем выделенным группам показывает, что в постсоветское время, как и в советское, наблюдалась крупногородская стадия урбанизации. Но при переходе к пятилетним интервалам на протяжении первого десятилетия постсоветского периода по темпам роста населения лидировали средние города, причем кризис начала 1990-х годов вместе с естественной убылью населения привел к сокращению людности главных городов. В целом это позволяет говорить о наступлении стадии поляризационного разворота, признаки которой уже наблюдались в конце советского времени[8].

Однако к концу 1990-х годов главные города стали расти, а малые – убывать, и с начала 2000-х годов главные центры вновь вернули себе лидерство, что не укладывается в классические схемы стадийного развития процессов урбанизации[9]. Причем городами, испытавшими максимальную убыль населения, оказались средние центры, часть из нижнего списка которых пополнила число малых городов, а наиболее динамично растущие центры из верхней части списка вошли в состав главных городов. В целом период с начала 2000-х годов можно охарактеризовать как возврат к крупногородской стадии развития, который продолжился и в первой половине 2010-х годов (рис. 1а).

Анализ динамики миграционного движения населения показывает, что в 1991 году, когда главные города показали миграционный отток населения, наблюдался отскок в кризисную дезурбанизацию[10]. Но к 1995 году главные центры вновь стали привлекательными для мигрантов, хотя лидерство все еще сохраняли малые города. К 2000 году города выстроились в порядке, характерном для крупногородской стадии, когда впереди находятся главные центры, а аутсайдеры представлены малыми городами. В 2005 году уже после переписи населения 2002 года миграционный прирост населения в средних или промежуточных городах стал выше, чем в главных, а малые стали испытывать отток населения. С формальных позиций это можно трактовать, как наступление стадии поляризационного разворота. Однако с 2010 года с учетом результатов последней переписи населения главные центры вновь стали наиболее привлекательными для мигрантов (рис. 1б). Данные 2013 года показали, что расхождение траекторий миграционной динамики стали еще более выраженными: главные города продолжили усиливать свою миграционную привлекательность, в то время как из малых центров нарастает отток населения.

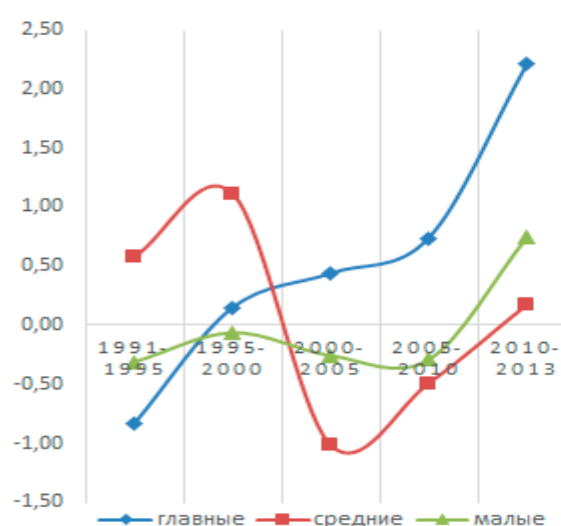

Рисунок 1а. Среднегодовые темпы прироста / убыли населения городов разного размера, %

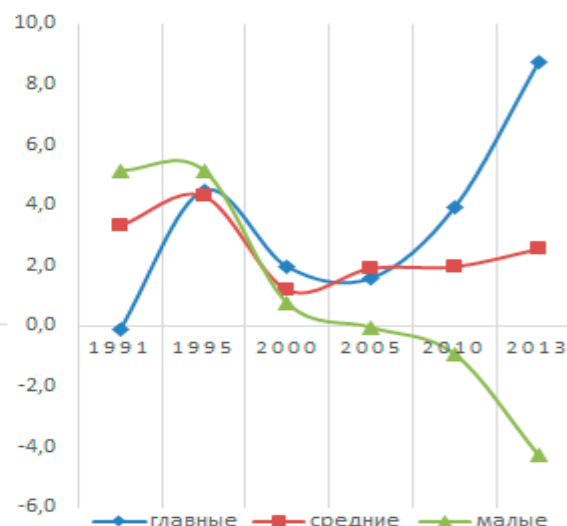

Рисунок 1б. Миграционный прирост /убыль населения в РФ в городах разного размера, ‰

Такую последовательность прохождения стадий урбанизации довольно сложно объяснить с позиций «правильной» эволюции городов разных групп людности в соответствии с теорией дифференциальной урбанизации, так как в России «отскоки» в другие стадии сопровождаются пропусками отдельных этапов, а применение разных методик показывает разные последовательности прохождения отдельных стадий. Эти нелогичные смены трендов, которые никак не укладываются в модификации классических схем, связанные только с действием войн и других катаклизмов, объясняются, по-видимому, и уникальностью процессов урбанизации, и, во многом, несовершенством и изменениями методик учета мигрантов в постсоветское время.

Инфраструктурная "недостаточность" жилья и образ жизни горожан

Еще одна важная унаследованная черта российской урбанизации – особый полугородской–полусельский образ жизни населения. Его формирование связано с большим числом новых городов, возникших как придатки при промышленных предприятиях, и с обилием малых городов, представляющих по характеру застройки и образу жизни населения переходный тип поселений, а также с наличием даже в крупных городах массивов одноэтажных домов усадебного типа на окраинах^[11]. Количественно этот образ жизни можно оценить через обеспеченность жилищного фонда отдельными видами коммунальной инфраструктуры.

В течение постсоветского периода по всем статистически обеспеченным индикаторам – охвату холодным и горячим водоснабжением, ваннами (душем), отоплением, канализацией – наблюдалась положительная динамика и по всей совокупности российских городов, и в разрезе центров разных групп людности и статуса (табл. 1). Весомый вклад в этот рост внесла «революция» в коммунальном хозяйстве, когда наряду с централизованными системами инженерной инфраструктуры, как это происходило в советское время, стали активно внедряться системы автономного обеспечения (прежде всего в секторе частных домов, который, как уже отмечалось, есть практически во всех городах).

Таблица 1. Обеспеченность жилищного фонда различными видами коммунальной инфраструктуры в 1991 и 2013 годах, %

Уровень обеспеченности	Главные города		Средние города		Малые города		Все города	
	1991	2013	1991	2013	1991	2013	1991	2013
холодным водоснабжением	93,4	95,4	83,2	89,6	65,8	76,6	86,5	91,0
горячим водоснабжением	83,8	89,5	68,3	80,2	46,8	62,4	74,5	83,1
отоплением	94,0	96,4	85,2	92,2	68,2	82,0	87,8	93,1
ваннами (душем)	87,7	89,1	75,8	80,7	56,6	65,4	79,8	83,3
канализацией	91,9	94,2	81,8	87,3	62,0	73,4	84,4	89,2

Примечание: главные города – центры с населением свыше 250 тыс. человек, средние города – центры людностью от 50 до 250 тыс., малые города – центры с численностью населения менее 50 тыс. человек.

Составлено по: расчеты авторов на основе данных Многофункционального статистического портала «Мультистат»

Тем не менее, несмотря на рост значений этих показателей, для российских городов все еще характерна относительно низкая инфраструктурная благоустроенность жилья. Жилищный фонд лучше обеспечен отоплением и холодной водой: оба показателя превышают 90% (табл. 1). К этому же уровню приближается степень охвата канализацией, а обеспеченность ваннами (душем)

и горячей водой ниже примерно на 10 процентных пунктов. В целом между уровнем обеспеченности жилья различными видами коммунальной инфраструктуры и величиной города прослеживается вполне ожидаемая зависимость: чем крупнее город, тем выше в нем обустроенность жилья. Средние и малые города, как и двадцать лет назад, остаются центрами с наименее благоустроенным жилищным фондом, а наиболее оборудованное в инфраструктурном отношении жилье имеют крупнейшие города и региональные столицы.

Среди рассмотренных показателей важным индикатором, который наиболее емко характеризует не только качество жилья, но и образ жизни населения, служит обеспеченность канализацией. В условиях нашей страны этот, по определению Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, показатель «бытовой урбанизации» очень четко демаркирует границу между городом и деревней[12]. Так, по состоянию на конец 2012 года, лишь 5% сельских населенных пунктов против 98% городов было обеспечено канализацией[13].

При этом в самих городах уровень охвата канализацией жилищного фонда ниже, а уровень обеспеченности в 90% служит рубежом, отсекающим города людностью свыше 250 тыс. человек от средних и малых, хотя среди городов всех групп людности есть центры с разным уровнем охвата канализацией жилищного фонда (табл. 1, рис. 2). Однако в составе главных городов нет центров, в которых бы этот показатель опускался ниже 70%, хотя лишь 11% из них представляют собой города западного типа или «истинные» города, в которых почти все жилье (более 99%) имеет водоотведение. Больше половины представителей этой группы – это обычные для российской действительности города с небольшой долей частного жилья и уровнем обеспеченности канализацией от 90 до 99% («полугорода» по Т.Г. Нефедовой)[14]. При этом почти в трети главных городов страны с населением свыше 250 тыс. человек уровень охвата канализацией жилья составляет лишь 70-90%, и такие «недогорода» уже трудно отнести к городским по стандартам развитых стран.

Среди средних городов доля этих «недогородов» достигает уже около половины всех центров, а «полугородов» – только около 30%. Кроме того, появляются города, в которых лишь 50-70% жилья обеспечено водоотведением, причем доля этих то ли городов, то ли сел, равна доле «истинных» городов». Еще менее городскими по уровню обеспеченности канализацией выглядят малые города, в которых доля «полу- и недогородов» составляет менее 50%. При этом почти половина этих центров представлена непонятной категорией то ли городов, то ли сел с уровнем охвата канализацией от 50 до 70%. Кроме того, появляются «деревенские города», где этот показатель опускается уже до 20-50%, а также населенные пункты, представляющие собой просто сельскую местность, с уровнем охвата канализацией менее 20% (рис. 2).

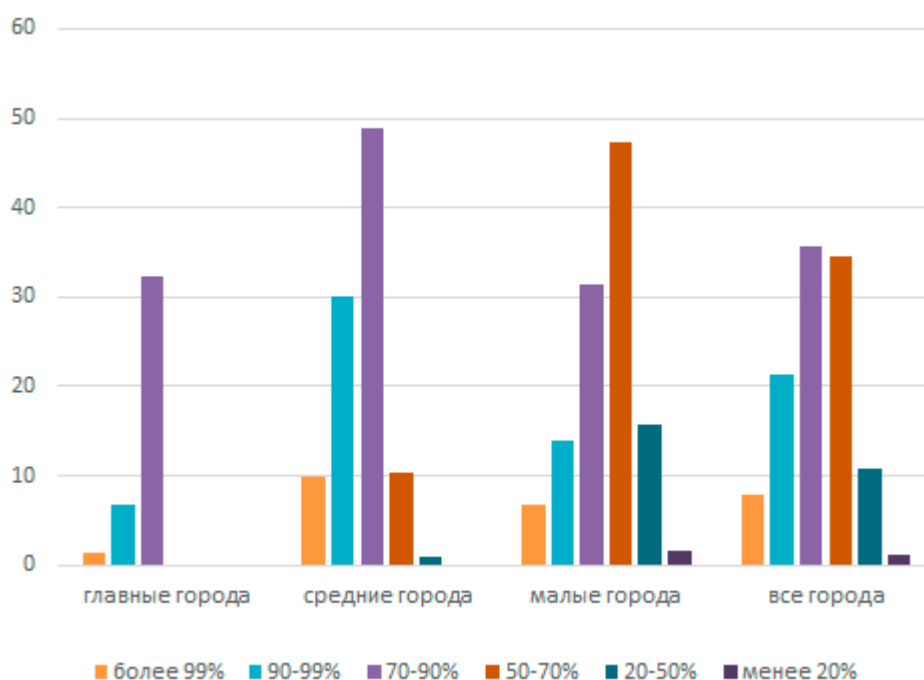

Рисунок 2. Охват жилищного фонда городов разных групп людности канализацией, 2013 год

В целом больше трети российских городов представляют собой две категории центров – «недогорода» (70-90% жилья обеспечено канализацией) и то ли села, то ли города (50-70% жилья обеспечено канализацией), еще 20% центров – это «полугорода» (90-99% жилья обеспечено канализацией). Доля «истинных» городов составляет менее 10% (свыше 99% жилья обеспечено канализацией), но и «деревенских городов» немногим более 10% (рис. 3а). Таким образом, налицо доминирование городских центров, которые не соответствуют цензу «истинного» или типичного западноевропейского города по критерию «бытовой урбанизации», но именно такие города определяют визуальный ряд или ассоциативный ландшафт типичного российского города. Количество даже обычных по российским меркам городов с небольшой долей частного жилья и уровнем обеспеченности канализацией от 90 до 99% крайне невелико, и представляют они собой фактически редкие очаги в городском пространстве страны.

Однако большая часть населения (свыше 60%) проживает в типичных для России полугородах и в «истинных» городах, условия проживания и образ жизни в которых близки или соответствуют городским (рис. 3б). Но и 40% населения во всех остальных недо- и псевдогородах – это очень тревожная цифра, показывающая потенциал «демографического» сжатия городов страны, против условий проживания в которых жители «голосуют» ногами.

По количеству городов, %

По численности
проживающего населения, %

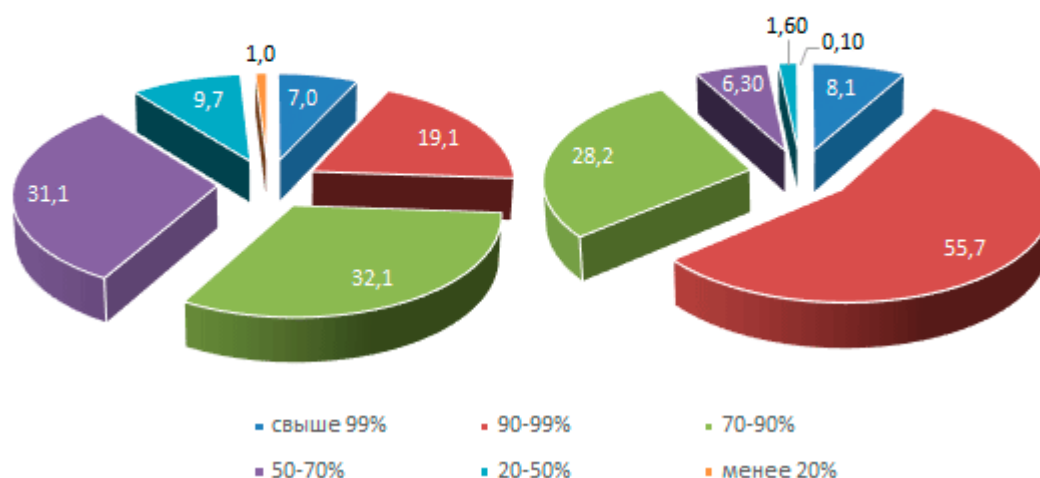

Рисунок 3. Распределение городов по уровню охвата их жилищного фонда канализацией, 2013 год

Жилищное строительство и обеспеченность населения "метрами"

Динамика жилищного строительства по городам разных групп людности также может служить своеобразной «оптикой» для изучения предпочтений россиян в выборе мест проживания. В условиях плановой экономики и действия режима прописки душевой ввод жилья был довольно слабо дифференцирован между городами, что хорошо отражали показатели 1991 года, которые варьировались в диапазоне от 0,3 до 0,35 м²/человек. При дефиците строительных материалов и их лимитированном выделении через специализированные структуры госпланов и министерств, лидерами по новому жилищному строительству были города, в которых реализовывались крупные народнохозяйственные проекты, связанные с освоением новых ресурсов, развитием военно-промышленного комплекса, строительством крупных промышленных предприятий и др.

При переходе к рынку состав лидеров изменился существенно и неоднократно. К середине 1990-х годов в условиях кризиса спад жилищного строительства еще сильнее сгладил различия между городами, выведя на первые позиции довольно разнородную группу малых и средних городов с высокой долей индивидуального частного жилья, возведенного населением.

Прообраз новой конфигурации городов-лидеров и аутсайдеров стал проявляться к началу 2000-х годов при постепенном усилении различий между городами. Раньше других из кризиса стала выходить Москва, повышенная концентрация платежеспособного спроса в которой привела к тому, что столица уже к началу 2000-х годов существенно превысила уровень 1991 года и переместилась из середины рейтинга городов по душевому вводу жилья в состав первой сотни. Но к середине 2000-х годов абсолютные и душевые объемы ввода жилья в Москве стали снижаться, так как в условиях дефицита строительных площадок жилищное строительство стало перетекать в Московскую область [15]. К этому времени с улучшением экономической ситуации в стране жилищное строительство активизировалось не только в столице и ее пригородах, но в городах «миллионниках» и «полумиллионниках», а также в центрах регионов. К началу 2010-х годов эта волна затронула уже не только главные, но и средние города; в аутсайдерах оказались малые города, в которых ввод жилья еще только приближается к показателям конца советского времени (табл. 2).

Таблица 2. Динамика душевого ввода жилья, м²/человек

Города разных групп людности и статуса	1991	1995	2000	2005	2010	2013
Все города	0,32	0,29	0,23	0,35	0,43	0,51
<i>в том числе:</i>						
Региональные центры	0,30	0,30	0,27	0,42	0,47	0,56
Главные города	0,31	0,29	0,26	0,41	0,46	0,55
Средние города	0,35	0,28	0,18	0,28	0,42	0,51
Малые города	0,33	0,28	0,19	0,20	0,27	0,31

Составлено по: расчеты авторов на основе данных Многофункционального статистического портала «Мультистат»

При довольно невысоком душевом объеме ввода жилья значительная часть городов не сильно дифференцирована по этому показателю: почти в 80% городов он составляет менее 0,5 м²/чел., лишь в 6% центров превышая 1 м²/чел. В целом состав городов-лидеров и аутсайдеров хорошо показывает современные приоритеты россиян в выборе мест проживания, отражая процесс стягивания населения в довольно небольшую группу «избранных» центров: крупнейшие города и их агломерации, «богатые» нефтегазовые центры и города с благоприятными природно-климатическими условиями, включая курорты [16]. В составе аутсайдеров преобладают старые промышленные города людностью менее 50 тысяч человек с низким спросом на жилье из-за неблагоприятной ситуации в экономике и социальной сфере. Однако и среди них есть представители и подмосковных городов-спутников, и нефтегазовых центров (Лосино-Петровский, Климовск, Радужный, Муравленко, Лангепас), т.е. функциональный тип города, его величина или положение далеко не всегда являются гарантией попадания в группу лидеров или аутсайдеров.

Важной составляющей «жилищной» проекции российской урбанизации является уровень жилищной обеспеченности и его динамика, которые характеризуют изменение предпочтений в выборе мест проживания. В течение постсоветского периода обеспеченность жильем росла по городам всех групп людности и статуса, но динамика этого роста была разной как во времени, так и для разных групп городов.

Как и по вводу жилья, к концу советского периода города были слабо дифференцированы по обеспеченности жильем (табл. 3). В начале 1990-х годов в малых городах она была ненамного выше, чем в региональных столицах и во всей совокупности российских городов, уступая лишь значениям Москвы и Санкт-Петербурга. С окончанием периода стрессовых миграций крупнейшие города страны, прежде всего Москва, оказались под растущим давлением мигрантов. После дооценки текущей численности населения столицы по итогам переписи населения 2002 года более чем на 1,8 млн человек из-за неучтенной миграции, уровень жилищной обеспеченности, несмотря на внушительные размеры жилищного строительства, стал снижаться. Перепись 2010 года выявила еще 875 тыс. человек [17] неучтенного населения, в результате чего уровень жилищной обеспеченности вновь снизился до 18,7 против 21,6 кв.м./чел. в 2000 году. Однако в подавляющем большинстве российских городов новое жилищное строительство и убыль населения привели к увеличению обеспеченности жильем. Но наиболее высокий прирост этого показателя (49%) наблюдался среди самых малых центров людностью менее 20 тысяч человек, которые испытали и максимальную депопуляцию, и максимальный миграционный отток населения.

Таблица 3. Динамика обеспеченности жильем населения городов РФ, м²/человек

Города разных групп людности и статуса	1991	1995	2000	2005	2010	2013
Все города	16,0	17,7	19,1	20,4	22,0	22,9
в том числе:						
Региональные центры	16,0	17,7	19,2	20,2	21,5	22,4
Главные города	16,0	17,6	19,1	20,1	21,5	22,3
Средние города	15,9	17,5	18,9	20,5	22,4	23,4
Малые города	16,2	18,3	19,5	21,5	23,4	25,1

Составлено по: расчеты авторов на основе данных Многофункционального статистического портала «Мультистат»

По сравнению с началом 1990-х годов значительно изменился состав лидеров и аутсайдеров по уровню жилищной обеспеченности. Во-первых, среди них выросло представительство северных малых и средних городов с убывающим вследствие сильного миграционного оттока населением (Билибино, Певек, Сусуман). Во-вторых, появился новый тип центров, в которых рост уровня жилищной обеспеченности связан с активным жилищным строительством. Это и быстро отстраиваемые столицы Чечни и Ингушетии – Грозный и Магас, и города-спутники Москвы, и города-курорты черноморского побережья. Причем в двух последних группах рост жилищной обеспеченности связан с таким новым феноменом, как появление в городах второго сезонного, функционально – «дачного», жилья у наиболее состоятельных слоев населения, а также с развитием сектора частного арендного жилья в городах-курортах (Руза, Звенигород, Плес, Анапа, Геленджик).

Среди центров с наиболее низким уровнем обеспеченности жильем стало больше городов с незавершенным демографическим переходом, которые потеснили малые и средние старопромышленные центры, давно испытывающие убывание населения (Высоцк, Купино, Козельск, Балабаново, Ейск). «Новые» аутсайдеры, в основном, также представлены малыми и средними городами, но уже национальных республик Северного Кавказа и Сибири (Чадан, Ак-Дувурак, Туран, Шали, Урус-Мартан, Карабулак, Нарткала), хотя среди них есть шестисоттысячная Махачкала. Еще одна группа новичков среди аутсайдеров представлена растущими нефтяными центрами, в которых ввод нового жилья при растущем населении не дал существенной прибавки в уровне жилищной обеспеченности (Пыть-Ях, Нефтеюганск). Особняком пока стоит Нерчинск – представитель увеличивающегося числа малых и средних городов, в которых убыль населения сопровождается разрушением и выбытием старого жилищного фонда и деградацией городской среды.

"Пульсация" населения и сезонное жилье горожан

Однако реальный уровень обеспеченности населения жильем в разных городах существенно отличается от показателей, фиксируемых статистикой, что связано с двумя параллельно идущими процессами. Первый из них – это отходничество, которое в постсоветский период, особенно в последнее десятилетие, приобретает все большее распространение. В отличие от советского времени, когда отход чаще всего реализовывался в форме сезонных «шабашек» на строительные работы или вахт на севера, современное отходничество приобретает постоянно-временный характер, охватывая самые разные сферы деятельности, включая как традиционные, так и новые виды занятости. Оценки масштабов отходничества сильно разнятся. Данные обследований населения по проблемам занятости, проводимых Росстатом, показывают, что в 2012 году число работавших за пределами своего региона составило 2,3 млн человек^[18]. Немногочисленные эксперты на основе проведенных исследований считают, что в отходничество вовлечено от 20 до

40 млн человек, что уже существенным образом меняет и численность населения отдельных городов, и уровень жилищной обеспеченности[19].

Несмотря на определенные сомнения в точности оценки в обследованиях Росстата масштабов временной трудовой миграции, они дают довольно адекватную картину ее общих направлений. Так, почти половина всех временных трудовых перемещений происходила в пределах своих федеральных округов. При этом в качестве первого и главного по значимости центра притяжения отходников выделяется Москва и Московская область, а в качестве второго – Тюменская область и ее нефтегазовые округа, причем «водораздел» между этими двумя ареалами проходит по Приволжскому округу[20].

Возрождение и широкое распространение этой архаичной практики дореволюционной России во многом связано с особенностью рыночных отношений в жилищной сфере, когда вместо земли, которая закрепляла крестьян в царское время, сегодня эту функцию выполняет жилье. Курс на тотальную приватизацию жилья привел к тому, что по доле жилья, находящего в собственности у населения (87%), Россия, как и другие страны бывшего Советского Союза, существенно отличается от подавляющего большинства стран с давними традициями развития в условиях рыночной экономики (табл. 4). Отсутствие цивилизованного рынка арендного жилья и более чем двукратная разница в ценах на жилье в крупных и малых городах[21] приводят к тому, что население, оставаясь формально прикрепленным к месту регистрации, перемещается к месту работы. В современной России теперь уже обладание собственным жильем играет роль новой «крепостной» зависимости, приводя то к увеличению, то к сокращению численности населения городов и сел.

Таблица 4. Индикаторы истинной урбанизированности по отдельным странам мира

	Доля городского населения, %	Доля жилищного фонда, оборудованного, %				Доля собственного жилья, %
		канализацией	водопроводом	ванной или душем	центральной системой отопления	
Россия	73,6	74,0	79,0	67,0	84,0	87,0
Белоруссия	75,1	72,3	74,0	66,9	73,1	87,9
Украина	69,0	59,0	61,1	55,7	64,1	93,5
Австрия	67,6	99,1	99,9	98,3	89,8	56,9
Греция	56,3	86,5	98,1	92,3	56,3	74,3
Великобритания	90,1	99,9	99,9	99,9	86,9	69,2
Финляндия	63,9	96,6	98,3	99,1	93,5	59,0
Япония	66,8	90,7	...	95,5	...	61,0
США	82,3	99,7	99,2	99,7	88,9	68,3

Составлено по: Россия и страны мира. 2012.: Стат.сб. / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012

Еще один процесс, вызывающий пульсацию или текучесть населения и нестыковки между статистической и реальной обеспеченностью населения жильем, – это давние традиции выезда на дачи в теплый сезон, также ставшие уже стилем жизни миллионов россиян. При отсутствии достоверных статистических данных, оценки численности этого сезонного населения, также как и отходников, сильно разнятся. Некоторые эксперты считают, что до половины всего населения городов страны владеет дачами разных типов[22]. Результаты обследований, проводимых

Росстатом, показывают, что 10% домохозяйств, т.е. около 15 млн человек, имеют дачное жилье [23].

Из других источников, которые косвенно позволяют оценить масштабы сезонных перемещений населения, можно привести результаты сельскохозяйственной переписи 2006 года [24]. Они показывают, что общее число садово-дачных некоммерческих объединений, представляющих собой основную часть дачных владений россиян, составляет около 80 тысяч с почти 14 млн земельных участков. Из них освоенные или используемые владения составляют около 80%, и если принять, что один садоводческий участок – это, как минимум, 3 человека (а порой и больше, так как это могут быть два-три поколения – старшее и их взрослые дети с внуками), то общая численность населения страны, сезонно проживающего в этих объединениях разных типов (сады, огороды, дачи) составляет около 34 млн человек. И хотя точное количество «дачных» владений россиян неизвестно, результаты обследований Росстата позволяют оценить дополнительную площадь жилья, генерируемую дачами. В расчете на одно домохозяйство она составляет 36,4 кв. м, возрастая с 29 кв. м в малых городах до 49,4 кв. м в «миллионниках»; такая же зависимость от величины города прослеживается и по доле дачных владений: соответственно, 6,4 и 20,4% [25].

Наибольшее распространение дачная или сезонная субурбанизация получила в пригородах Москвы и Санкт-Петербурга. С наличием второго жилья и сезонными миграциями населения на территории Московской области связано почти 3 млн. владений. Потенциальная селитебная емкость этой сети превышает 4 млн человек, что приводит к увеличению числа жителей, проживающих в Подмоскovie в летний сезон, примерно на 60% [26]. В Петербурге дачами на садовых участках владеет около 2 млн жителей или 40% его населения [27].

Наряду с сезонной субурбанизацией развивается субурбанизация «западного» типа (переезд из города-центра в пригород на постоянное место жительства), что связано, прежде всего, с быстрым распространением организованных коттеджных поселков вследствие реализации новых жилых стандартов наиболее состоятельных слоев россиян [28]. Первой формировать коттеджные субурбии начала Москва, затем – Санкт-Петербург. С середины 2000-х годов они начинают появляться в крупнейших городах-миллионниках и в курортных зонах, прежде всего, на побережье Черного моря. К настоящему времени, как минимум по одному-два коттеджных поселка, построены/строятся в черте всех крупных и крупнейших российских городов, прежде всего региональных столиц, и в их пригородах [29].

Подмоскovie является безусловным лидером в стране и по масштабам коттеджных субурбий, что проявляется, прежде всего, в количестве организованных коттеджных поселков, которые выставлены на продажу (около 1500 поселков в 2014 году) [30]. После Москвы лидером по развитию этого формата загородного жилья являются пригороды Санкт-Петербурга, хотя построенных/строящихся современных коттеджных поселков здесь почти в 3 раза меньше, чем в Подмоскovie. Современные коттеджные пригороды значительно уступают садово-дачным объединениям по своей масштабности, и хотя в настоящее время коттеджи чаще используются как дополнительное постоянное или временное жилье, но именно они могут стимулировать развитие процессов субурбанизации и переезд населения из городов-центров [31].

В современных условиях сформировавшаяся еще в советское время модель постоянного проживания в городской квартире и на даче в теплый сезон стала еще более распространенной практикой, о чем свидетельствует рост популярности загородного жилья. Как показал социологический опрос, проведенный в 2014 году, почти 60% всех дач (новых и перестроенных старых) появилось у москвичей уже в условиях рыночной экономики, а около 30% – в последние десять лет, когда дачи перестали быть необходимыми для обеспечения «своими» овощами и фруктами. При этом рост размеров дачных владений (средняя площадь дома – 86 м² при средней площади участка 11 соток) увеличивает обеспеченность жильем москвичей почти до 28 м² на человека, приближая ее к европейскому уровню. Появление автономных систем канализации, водопровода и отопления увеличило и возможность круглогодичного использования дач: сегодня

почти 20% всего загородного жилья представлены зимними домами, пригодными для постоянного проживания в них. Однако, несмотря на то, что свыше 0,6 млн москвичей владеет теплыми домами, лишь половина из них живет зимой на дачах постоянно[32].

В целом, роль второго – по сути дачного – жилья, как основного места жительства, закономерным образом увеличивается от зимы к лету. Эта двудомность москвичей, размывая старые формы дачной мобильности (на выходные, отпуск, каникулы), увеличивает поток коммьютеров из загородного жилья в Москву. Согласно оценкам, сделанным на основе периодичности поездок, их численность достигает почти 1 млн человек летом, сокращаясь до полумиллиона в межсезонье и 300 тысяч в зимний сезон. Свобода выбора, связанная с массовой автомобилизацией населения, развитие альтернативных форм занятости (удаленная работа, фрилансинг, гибкий рабочий график) и наличие зимних дач стимулируют жизнь на два дома на постоянно-периодической основе. Двудомность москвичей не только приводит к трансформации старых форм дачной мобильности, формируя особый стиль жизни, но размывает само понятие резидентности, приводя к пульсации населения Московской агломерации.

Дезурбанизация в постсоветский период если и имела место, то как временное явление в кризисные 1990-е годы, чего нельзя сказать о сезонной дезурбанизации в виде «дальних» дачников, связанной с их интересом к еще более удаленным регионам, которые уже не граничат с областями, окружающими центральный город. «Дальние дачи» существовали еще в советские годы, появившись в 1970-80-х годах и в виде садово-дачных поселков, и домов в сельской местности, включая полученные по наследству[33]. Особое распространение дальние дачи получили со второй половины 2000-х годов из-за растущего давления на природные ландшафты ближних пригородов, обилия коттеджных и садово-дачных поселков, машин и соседей, что превращает пригороды в своеобразные густонаселенные загородные варианты «многокоттеджного» жилья. Для владельцев этих свердальних дач важны уже не столько удаленность и стоимость дома, сколько хорошая экология и привлекательность самого места, хотя выбор покупателей таких дач ограничен традиционными сельскими домами.

Распространенность дальних дач приводит к перекрыванию зон дачного влияния центров отдельных регионов, хотя у каждого из этих сообществ пока есть свои ареалы преимущественной концентрации. Как показывают данные полевых наблюдений в Псковской области, москвичи «базируются» преимущественно в пригородах Пскова (полукольцо от южного побережья Чудского озера до Изборска) и в Пушкиногорском районе «поблизости» от пушкинских мест, где земля довольно дорогая. Питерцы и мурманчане сосредоточиваются в местах попроще: Опочецкий, Красногородский, Палкинский районы на юге, Гдовский, Струго-Красненский, Плюсский районы на севере[34]. Экспансия «иноземцев» в Псковскую губернию возрастает с каждым годом, прежде всего, в результате дачного расползания москвичей, хотя увеличивается количество дачников и из Санкт-Петербурга, и из Мурманска (в основном за счет людей пенсионного и предпенсионного возрастов).

Растущий спрос на «дальние» дачи отражает не только расширение масштабов сезонной контрурбанизации (квазиконтрурбанизации), но и устойчивость этого процесса, когда жители крупных городов, сохраняя адрес своей регистрации, меняют место жительства в течение года. Этот процесс трансформации сети расселения проявляется в сильной сезонной пульсации людности не только городских агломераций, но и территорий, расположенных на значительном удалении от ее границ, что также не укладывается в рамки стандартных теорий стадийного развития агломераций[35].

Заключение

Для современной модели российской урбанизации характерна крупногородская стадия, когда именно крупные города, в которых проживает большая часть населения, выделяются наиболее высокими темпами развития. Однако низкая инфраструктурная обеспеченность жильем, прежде

всего канализацией, особенно в малых и средних городах, которые преобладают количественно, говорит о незрелом или маргинальном характере российской урбанизации, когда значительная часть горожан по своему образу жизни гораздо ближе к сельскому населению. Эта псевдогородская урбанизация отделяет Россию от развитых стран, в которых почти все жилье, и городское, и сельское, обеспечено канализацией, приводя к тому, что доля городского населения в России существенно выше той части населения, которая реально ведет городской образ жизни, а не просто числится горожанами (табл. 4).

Еще одна отличительная особенность этой псевдо- и одновременно крупногородской российской урбанизации – невысокий уровень обеспеченности жильем горожан при массовом характере владений вторым дачным жильем. Такая модель проживания – в квартире в многоэтажном доме в городе и на даче в сельской местности в теплый сезон – стала еще более распространенной практикой в постсоветский период, что увеличивает масштабы сезонной суб- и дезурбанизации. Эта идеология «двойного» проживания, в городской квартире и одновременно в сельской местности на ближних и дальних дачах, приводит к значительной пульсации численности населения городских и сельских населенных пунктов, одновременно улучшая жилищные условия горожан, особенно в самых крупных городах. Текучесть населения и еще большую условность различий в месте проживания и образе жизни усиливает отходничество, также ставшее массовой практикой для жителей малых городов и сел, которые работают в крупных городских центрах и их пригородах, хотя формально и сохраняют свое место жительства.

Таким образом, несмотря на все отступления от теории дифференциальной урбанизации, с большой степенью вероятности можно констатировать, что после «отскока» в кризисную контрурбанизацию в первой половине 1990-х годов с учетом поправок на недоучет мигрантов в межпереписной период российские города переживают крупногородскую стадию урбанизации. Если рассматривать развитие процессов урбанизации в 1990-е годы как проявление «кризисной урбанизации», то это уже ее третий запуск после кризисных явлений, как это уже дважды происходило в России в XX веке после революции/Гражданской войны и Великой Отечественной войны [36]. Если придерживаться точки зрения Медведковых, рассматривая 1991 год как переход к фазе урбанизации, которая должна была начаться независимо от политических потрясений [37], то последующие перескоки стадий можно объяснить несовершенством учета миграций. При такой трактовке современный порядок «главные – средние – малые города» можно оценивать и как проявление стадии реурбанизации, характерной для постиндустриального урбанизма, когда главные города вновь становятся основными точками роста и локомотивами развития современной экономики. Однако одновременное сосуществование и развитие процессов, характерных для совершенно разных этапов и стадий, когда при псевдогородском образе жизни значительной части населения опережающий рост крупных городов происходит наряду с сезонной суб- и дезурбанизацией, позволяет говорить и об уникальной модели современной российской урбанизации, которая не укладывается в типичные зарубежные схемы.

Таким образом, при существенных отличиях от универсальной модели стадийного развития урбанизации изменения в городской системе России в течение постсоветского периода можно рассматривать и как некий кризисный сбой в ходе незавершенной урбанизации, и как естественный переход в стадию реурбанизации, и как уникальную модель, представляющую собой комбинацию процессов, присущих разным этапам. Специфические черты постсоветской урбанизации обусловлены сложившимися особенностями жилищной сферы: недостаточной инфраструктурной оснащенностью жилья и «сельскостью» городов, низким уровнем обеспеченности жильем и массовым характером владения дачным жильем, сравнительно высокой долей собственного жилья и пульсациями населения.

[1] Публикация подготовлена на основе статьи: Махрова А.Г., Кириллов П.Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации / Региональные исследования 2014 №4 с. 134-144. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083

«География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме») института географии РАН.

- [2] Махрова Алла Георгиевна - кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова
- [3] Кириллов Павел Линардович - кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова
- [4] Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. – М.: Мысль, 1987; Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. – М.: Статистика, 1976; Хорев Б.М. Проблемы больших городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). – М.: Мысль, 1975.
- [5] Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2013. № 2. С. 54–60; Зубаревич Н.В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551–552. 15–30 апреля. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/tema01.php>; Зубаревич Н.В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // Региональные исследования. 2010. № 1 (27). С. 45–54; Нефедова Т.Г. Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. – Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 171–190; Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Новые тенденции урбанизации в России // Вопросы прогнозирования. 1999. № 5. С. 158–167 и др.
- [6] Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Урбанистическая революция // География, общество, окружающая среда. Том V: География социально-экономического развития. – М.: Издат. дом «Городец», 2004. С. 570–579
- [7] Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86
- [8] Нефедова Т., Трейвиш А. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. С. 171–195
- [9] Geyer H.S. and Kontuly A. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. 1993. V. 15. № 3. P.157–177
- [10] Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86
- [11] Molodikova I., Makhrova A. Urbanization patterns in Russia in Post-Soviet era // The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Certain and Eastern Europe after Socialism. – Dordrecht, 2007. P. 49–66.
- [12] Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
- [13] Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сб./Росстат Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2014.
- [14] Нефедова Т.Г. Большой, малый, средний город и село в России // География,

градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. – Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 171–190.

- [15] Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Сер. географич. 2013. № 2. С. 19–29.
- [16] Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring // Urban Studies. 2014. V. 51(4). P. 617–633.
- [17] Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации / Вопросы статистики 2012 №11, с. 21–35
- [18] Мкртчян Н., Карачурина Л. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. 21 апреля – 4 мая [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema04.php>
- [19] Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. – М.: Новый хронограф, 2013
- [20] Мкртчян Н., Карачурина Л. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. 21 апреля – 4 мая [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema04.php>
- [21] Махрова А.Г. Формирование рынков жилья в городах России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2007. № 1. С. 49–56
- [22] Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Осень – зима 2011. № 15. С. 161–172
- [23] Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 году. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
- [24] Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 томах). Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
- [25] Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 году. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
- [26] Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. 2009. № 4–5 (25). С. 42–54.
- [27] Михеева З.А. Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – СПб., 2012.
- [28] Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. №2. С. 29–34.
- [29] Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Сер. географич. 2014. № 4. С. 49–59.
- [30] Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
- [31] Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. 2008. № 2 (17). С. 13–20.

- [32] Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
- [33] Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 204–215.
- [34] Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской столичной агломерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 10–16.
- [35] Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro-contra. 2012. № 6 (57). С. 19–32
- [36] Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86
- [37] Medvedkov Yu., Medvedkov O. Turning Points and Trends in Russia's Urbanization // Population under Duress: The Geodemography of Post+Soviet Russia. – Westview Press, 1999. P. 201–230